

**ПРЕДЕЛЫ ДОКАЗЫВАНИЯ
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

Д. В. Зотов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 3 марта 2015 г.

Аннотация: анализируются имеющиеся теоретические взгляды на сущность пределов доказывания и обосновывается возможность их исследования с позиций разумного формализма. Предлагается авторское понятие «пределы доказывания» как числа источников доказательств, требуемых для обоснования процессуального решения. При этом количественная составляющая понятия «пределы доказывания» может быть выражена: 1) в наличии источника, предусмотренного законом; 2) в возможном указании в законе на конкретный источник (необходимые пределы доказывания); 3) в числе требуемых источников, которые закон вполне может определить.

Ключевые слова: пределы доказывания, достаточность, процесс доказывания, количество доказательств, формализм.

Abstract: the author analyses the existing theoretical views on the essential matter proving limits, and substantiates the potential study of these views that would be based on principals of rational formalism. The author offer his own notion of «proving limits» as a number of sources of prove which is required for judgment rational. With it, the quantitative component of the notion «proving limits» can be expressed in the following ways: 1) through the existence of a legal source; 2) through a possible reference in a law to a certain source (the obligatory proving limits); 3) as one of the obligatory legally defined sources.

Key words: the proving limits, the sufficiency, the process of evidence, formalism.

Существуют различные взгляды на понятие «пределы доказывания». Многоаспектность формулировок предполагает критический анализ имеющихся определений.

В исследованиях дореволюционных процессуалистов проблема самостоятельности и оригинальности понятия «пределы доказывания» не ставилась.

И. Я. Фойницкий понимал пределы судебного исследования как тождественные предмету доказывания, установление которых необходимо в интересах подсудимого и других лиц, участвующих в деле, а также экономики и практических нужд процесса¹.

Понятие «предел» не выходит из границ предмета доказывания и у М. В. Духовского, который писал, что объем и количество доказательств, требуемых для дела, определить заранее нельзя, но в то же время давал «некоторые указания по этому поводу», ссылаясь на А. Ф. Кони: «Старый

---

¹ См.: Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1910. С. 227–228.

порядок суда не содержал указаний на пределы исследования преступного деяния, – он, по-видимому, позволял доказывать в деле всё, но не всеми способами, ограничивая последние разными условиями. Новый порядок, установив точную формулировку обвинения на суде, позволил доказывать не всё, а лишь то, что входит в область исследуемого деяния обвиняемого, но допускает доказывать это всеми способами².

Вопрос о сущности пределов доказывания становится сравнительно новой проблемой в теории доказательств только в советский период, причем после принятия Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик (1958), УПК РСФСР (1960), а также УПК других союзных республик. В литературе было обращено внимание на то, что понятие «пределы доказывания», несмотря на частое использование его процессуалистами, не отличается определенностью и нуждается в специальной разработке³.

Одной из первых работ, посвященных этому вопросу, является монография Г. М. Миньковского, в которой исследованы пределы доказывания как самостоятельный элемент процесса доказывания и важнейший компонент уголовно-процессуальной деятельности, выявлены связи и соотношения с другими основополагающими категориями теории доказательств, показано их научное и практическое значение. Однако итогом научного поиска, явилось непоследовательное утверждение, что пределы доказывания по конкретному делу, по существу, есть границы предмета доказывания и должны использоваться как понятия идентичные⁴. Впоследствии Г. М. Миньковский отказался от такой позиции, мотивируя это невозможностью отождествления понятий с неодинаковым значением⁵.

Отождествление предмета и пределов доказывания прослеживается также в работах других ученых. Например, М. С. Строгович видел в предмете доказывания «пределы и направления исследования по делу»⁶, а Р. Д. Рахунов считал, что пределы доказывания – «это менее удачное выражение обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу»⁷. Не приобретают процессуальной самобытности пределы доказывания и сегодня в работах некоторых ученых⁸.

Вместе с тем такой подход сложно назвать конструктивным, поскольку он не фиксирует явление, объективно существующее в науке и практике процессуального доказывания. Поэтому в теории доказательств по-

² Духовский М. В. Русский уголовный процесс. М., 1910. С. 204.

³ См.: Полянский Н. Н. Очерк развития советской науки уголовного процесса. М., 1960. С. 101.

⁴ См.: Миньковский Г. М. Пределы доказывания в советском уголовном процессе. М., 1956. С. 4.

⁵ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. М., 1973. С. 188.

⁶ Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 361.

⁷ Рахунов Р. Д. О понятии доказательства и главном факте доказывания // Советское государство и право. 1965. №12. С. 100.

⁸ См., например: Лазарева В. А. Проблемы доказывания в современном уголовном процессе России. Самара, 2007. С. 113.

степенно обосновывалось и самостоятельное значение понятия «пределы доказывания», критическое рассмотрение которого представляется значимым для выработки собственного понимания вопроса.

Так, в исследованиях А. С. Александрова и С. А. Фролова сложно уловить суть пределов доказывания, которые сначала утверждают тождественность понятий «пределы доказывания» и «пределы следствия» (и предварительного расследования, и судебного следствия), после чего считают, «что объективное наполнение пределов судебного следствия составляют пределы доказывания – таковыми надо считать те обстоятельства, необходимость установления которых детерминирована содержанием обвинения, позицией сторон, предписаниями материального и процессуального закона, целью и задачами уголовного судопроизводства, но также другими факторами, которые условно можно обозначить как «судебно-следственная ситуация»⁹.

С одной стороны, неоправданно определять понятие как себе тождественное. С другой стороны, несмотря на взаимное пересечение, очевидно, что доказывание не идентично следствию ни по задачам, ни по этапам, ни по уровням, ни по субъектам и пр. Поэтому пределы следствия и пределы доказывания полностью совпадать не могут. Вызывают также возражение множество обстоятельств, далеко перешагнувших границы предмета доказывания. Очевидно, что всё, что подлежит доказыванию, определяется предметом доказывания, пределы которого нельзя отождествлять с пределами доказывания. При этом явным перебором выглядит упоминание судебно-следственных ситуаций, многообразии которых не всегда «детерминирует» обстоятельства, входящие в пределы доказывания и уж тем более подлежащие доказыванию. Сложно представить, какие обстоятельства, требующие доказывания, может вызвать судебно-следственная ситуация, например связанная с неявкой свидетеля для дачи показаний по уважительной причине?

В определении пределов доказывания можно также исходить из того, что все особенности уголовно-процессуального познания сосредоточены в состояниях вероятности и достоверности. Соответственно, «при достижении достоверного знания об обстоятельствах предмета доказывания познание характеризуется одними пределами – состоянием достоверности; при получении вероятного знания об обстоятельствах предмета доказывания познание имеет другие пределы – состояние вероятности, – пишет Р. В. Костенко. – В этом смысле достижение достоверных пределов доказывания происходит за счет перерастания совокупности доказательств в их достаточность»¹⁰. Предложенная концепция «состояния доказанно-

⁹ Александров А. С., Фролов С. А. Относимость уголовно-процессуальных доказательств. Н. Новгород, 2011. URL: http://kalinovsky-k.narod.ru/b/aleksandrov_2011/index.html (дата обращения: 15.09.2014).

¹⁰ Костенко Р. В. Доказательства в уголовном процессе : концептуальные подходы и перспективы правового регулирования : дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2006. С. 68–69 ; *Его же*. Доказательства и пределы доказывания в уголовном судопроизводстве // Уголовное право. 2008. С. 93.

сти» перекликается с концепцией «момента доказанности», выдвинутой С. А. Шейфером, который определяет пределы доказывания как «границы познавательной деятельности следователя и суда, определяемые моментом, когда цель доказывания оказывается достигнутой, т.е. когда с необходимой степенью надежности (вероятно либо достоверно) установлены подлежащие доказыванию обстоятельства. В этот момент доказывание прекращается, ибо необходимость в нем отпадает»¹¹.

Заманчивость предложенных подходов обусловлена тем, что пределы доказывания рассматриваются как итог преобразования вероятности в достоверность. «Пределы», по сути, выступают тем, к чему стремится вся познавательная деятельность, т.е. целью доказывания. Однако здесь значение «пределов» сводится лишь к пассивному фиксации состояний-моментов доказанности предмета – от версий различной степени вероятности до достоверного знания. Пределы доказывания перестают быть активным компонентом познавательной деятельности, и их роль в механизме доказывания статична. Проблематичность рассмотренных концепций в том, что «пределы» перестают служить средствами доказывания и фактически отождествляются с целью познавательной деятельности. В отдельных случаях это может рассматриваться как недопустимая подмена цели доказывания ее средствами.

В свое время А. А. Хмыров и А. М. Ларин пришли к выводам, что пределы доказывания выражают категорию единичного для конкретного дела в отличие от предмета доказывания – общего для всех¹², поскольку пределы доказывания есть совокупность вспомогательных (доказательственных) фактов в отличие от предмета доказывания как совокупности искомых фактов¹³. Нарекания таких взглядов в следующем.

Во-первых, при таком соотношении предмета и пределов доказывания предмет вырисовывается как некий негибкий стандарт, не учитывающий особенностей конкретного уголовного дела. Иными словами, предмет доказывания «беспредметен» по отношению к отдельному преступлению, а специфика задается лишь пределами доказывания, собранными из факультативных (промежуточных) фактов. Предложенное понимание предмета несколько лишает его универсальной способности проявляться в конкретном уголовном деле, поскольку эта роль отводится пределам доказывания. То есть понимание пределов как отражение единичного влечет отсутствие общих пределов доказывания, в том числе и необходимых (обязательных) пределов, без которых доказывание невозможно. В этом плане следует согласиться с С. А. Шейфером в том, что «конкретизировать обстоятельства, подлежащие доказыванию применительно к условиям отдельного преступления, действительно необходимо, поскольку в законе (ст. 73 УПК РФ) они изложены в виде общей схемы.

---

¹¹ Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам : проблемы теории и правового регулирования. М., 2008. С. 86.

¹² См.: Хмыров А. А. Косвенные доказательства в уголовных делах. СПб., 2005. С. 14–17.

¹³ См.: Ларин А. М. Расследование по уголовному делу. М., 1970. С. 64.

Но в этих случаях речь идет об определении предмета доказывания на уровне, относящемся к конкретному преступлению, а вовсе не о пределах доказывания. Смешивать эти понятия нельзя¹⁴.

Во-вторых, как быть в тех случаях, когда искомые факты устанавливаются напрямую, минуя вспомогательные? Такое вполне возможно, и не редкость по делам, например, где есть реальная явка с повинной. Означает ли это, что по уголовному делу отсутствуют пределы доказывания? Вряд ли. Вероятно, требуются иные подходы к пониманию пределов доказывания.

Одной из предпосылок формирования понятия «пределы доказывания» часто выступает обращение к законодательной формулировке ч. 1 ст. 88 УПК РФ, устанавливающей, что все собранные доказательства в совокупности подлежат оценке с точки зрения достаточности. Буквальное толкование приведенной нормы позволило ряду ученых считать, что пределы доказывания – это совокупность доказательств, достаточная для установления обстоятельств, имеющих значение для дела¹⁵. Подобное понимание является наиболее популярным и распространенным среди процессуалистов. Однако предложенный подход имеет также свои недостатки.

Во-первых, пределы доказывания сводятся к совокупности доказательств, хотя эти понятия неравнозначны. Процессуальная совокупность не может представлять разрозненный набор доказательств без логических связей между собой. Даже в тех случаях, когда доказательства противоречат друг другу, их взаимосвязь продолжает существовать – их связывает относимость к предмету доказывания. Поэтому совокупность доказательств шире пределов доказывания, так как включает не только наличие доказательств, но и их логическую взаимосвязь. Взаимосвязь доказательств является необходимым звеном в процессе перехода от количества к качеству, т.е. от пределов доказывания к достаточности доказательств. В связи с этим оправданной представляется норма УПК Украины (ст. 94), которая в качестве критерия оценки совокупности доказательств называет не только достаточность, но и взаимосвязь.

Во-вторых, с количественных позиций совокупность предполагает некую сумму, множественность числом более одного. Поэтому признание пределов как совокупности доказательств исключает возможность их достижения за счет единичного доказательства, что, конечно, не соответствует реальному положению дел. Практика знает случаи, когда процессуальное решение может быть обосновано в отсутствие суммарной совокупности доказательств.

---

¹⁴ Шейфер С. А. Указ. соч. С. 85.

¹⁵ См.: Белкин А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М., 2005. С. 50 ; Громов Н. А., Зайцева С. А. Оценка доказательств в уголовном процессе. М., 2002. С. 97 ; Курдадзе М. З. Пределы доказывания на предварительном следствии. Тбилиси, 1986. С. 13–14 ; Орлов Ю. К. Основы теории доказательств в уголовном процессе. М., 2000. С. 33 ; Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. С. 187 ; Ульянова Л. Т. Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России. М., 2008. С. 65.

Существует мнение, что в понятие «пределы доказывания» стоит включать не только доказательства, но и процессуальные действия – способы их получения¹⁶. Несогласие с подобной точкой зрения аргументируется тем, что такие действия ведут лишь к процессуальному формированию средств доказывания (доказательств, пределов доказательств). Ведь способы доказывания сами по себе не в состоянии что-либо обосновывать в предмете доказывания, так как они реализуются в необходимой форме процессуального правоотношения, содержание которого составляют права и обязанности его участников по собиранию, проверке и оценке доказательств. «К сожалению, следователи зачастую в обвинительном заключении или в постановлении о прекращении уголовного дела прибегают к ссылке не только на источник, но и на следственные действия, – пишет А. С. Барабаш. – Например, указывая, что вина обвиняемого устанавливается и другими следственными действиями. Но ведь не следственные действия используются в процессе доказывания, а их результат – доказательства! Иначе в пределы доказывания можно включать не только следственные действия, но также тактические и методические рекомендации криминалистики и всё другое, при помощи или с использованием чего были получены доказательства»¹⁷.

Часто пределы доказывания выражаются через такие показатели, как объем, границы, широта, глубина, круг, полнота, мера, степень, точность, детализация, конкретизация и др. Палитра предлагаемых формулировок настолько разнообразна и удивительна для довольно-таки четких уголовно-процессуальных отношений, что все имеющиеся точки зрения представить затруднительно, поэтому в ознакомительном аспекте следует ограничиться лишь некоторыми мнениями ученых. Так, М. М. Михеенко считал, что «пределы доказывания определяют глубину, степень исследования обстоятельств, круг, объем доказательств и их источников, доказательственных фактов, процессуальных действий, необходимых для этого»¹⁸. С точки зрения Л. М. Карнеевой, «если предмет доказывания рассматривать как границы исследования обстоятельств дела по горизонтали, то пределы доказывания, определяющие глубину их исследования, можно условно определить как границы по вертикали»¹⁹. При этом случается, что дефиниция включает в себя сразу несколько характеристик и делает восприятие сущности перегруженным и затруднительным. Например, одно из самых эклектичных определений «пределов доказывания» давал Ф. Н. Фаткуллин: «...такие границы этой деятельности,

---

¹⁶ См.: Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Элькин П. С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж, 1978. С. 92; Михеенко М. М. Доказывание в советском уголовном судопроизводстве. Киев, 1984. С. 105; Победкин А. В. Уголовно-процессуальное доказывание. М., 2009. С. 120–121.

¹⁷ Барабаш А. С. Сущность уголовного процесса и его роль в формировании ответственности правонарушителя. Красноярск, 1997. С. 85–86.

¹⁸ Михеенко М. М. Указ. соч. С. 105.

¹⁹ Карнеева Л. М. Привлечение к уголовной ответственности. Законность и обоснованность. М., 1971. С. 104.

которые выражают полноту проверяемых следственных версий, глубину исследования подлежащих установлению фактов (обстоятельств), объем доказательств их источников, обязательных для признания наличия или отсутствия этих фактов, и достаточность обоснования выводов по делу»²⁰.

Предложенные взгляды были подвергнуты обоснованной критике П. С. Элькинд, считавшей, что в подобных случаях происходит отождествление существа самого института с последствиями его применения, т.е. названные показатели пределами доказывания не являются, а выступают результатом применения соответствующих пределов доказывания. В связи с этим вызывает недоумение, по какой причине П. С. Элькинд определяет пределы доказывания через «объем доказательств»²¹? Аналогичные суждения и у Л. Д. Кокорева, также усматривавшего в приведенных характеристиках результаты применения пределов доказывания, но выводившего понятие пределов доказывания через «объем доказательственного материала, который необходим по каждому конкретному делу для обеспечения необходимых границ оптимальной глубины и полноты исследования соответствующих фактов и обстоятельств»²². Трудность понимания таких определений объясняется тем, что мера как результат выводится через меру как условие.

Другой проблемой всех критикуемых определений выступают многогранность самих характеристик и сложность их восприятия. О них невозможно прямо сказать, что они показывают – качество или количество? О чем должна идти речь – об информационных свойствах доказательства, позволяющих познать обстоятельства дела, или о самом наличии источника доказательства, содержащего сведения о соответствующих обстоятельствах?

Варианты решений этих вопросов были предложены П. А. Лупинской, которая считала, что пределы доказывания не могут характеризоваться с количественной стороны, так как закон наполняет их качественным содержанием в таких категориях, как «достаточность», «недостаточность», «достоверность», «недостоверность». Предостерегая от обращения к формально-автоматическим правилам доказывания, автор пишет: «Информация, используемая в уголовном процессе, не имеет однозначного значения и не может быть выражена в количественных показателях. Здесь, как правило, имеет место «несчитанная» статистика, а выводы основываются на логическом осмыслении полученной информации с учетом требований закона, практики доказывания»²³. Аналогичных взглядов придерживался и Р. Д. Рахунов, полагавший, что под пределами доказывания нельзя «иметь в виду сумму тех доказательственных фактов, при помо-

²⁰ Фаткуллин Ф. Н. Общие проблемы процессуального доказывания. Казань, 1976. С. 70.

²¹ См.: Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Элькинд П. С. Указ. соч. С. 92.

²² Кокорев Л. Д., Кузнецов Н. П. Уголовный процесс : доказательства и доказывание. Воронеж, 1995. С. 240.

²³ Лупинская П. А. Решения в уголовном процессе : теория, законодательство, практика. М., 2010. С. 129.

щи которых устанавливается предмет доказывания. Нельзя, потому что количественный подход несовместим с принципом оценки доказательств по внутреннему убеждению и объективно толкает в направлении – чем больше доказательственных фактов, тем лучше»²⁴.

Следует согласиться лишь с тем, что процессуально значимая информация не может быть выражена только через количественные характеристики, позволяющие решить все вопросы предмета доказывания. Ее предназначение состоит в доведении определенного содержания до субъекта познания, при этом качественная составляющая таких сведений будет оставаться и в тех случаях, когда они выражены в количественных показателях (глубина, степень, широта, границы, объем и др.). Восприятие сведений о преступлении только с количественных позиций невозможно и абсурдно.

Однако уголовно-релевантная информация не берется ниоткуда и не существует сама по себе. Важен источник ее получения. Аксиоматично, что для уголовного процесса существование информации вне источника бесполезно, равно как и наличие источника без сведений делает его бессмысленным. Но если качественная сторона сведений является обязательным (имманентным) и неотделимым условием их существования, то в характеристике источника доказательств вполне можно выделить обособленные как качественные (относимость, допустимость), так и количественные черты. Количественная составляющая понятия источника доказательств должна быть выражена в:

а) наличии источника, предусмотренного законом (что, по сути, и отражает понятие пределов доказывания);

б) возможном указании в законе на конкретный источник (необходимые пределы доказывания), содержащий сведения, обосновывающие искомый факт;

в) количестве требуемых источников, которые закон вполне может определить (например, запрет обоснования обвинения единственным собственным признанием, равно как и возможность оправдания, основанная на единственном отрицании подсудимым своей виновности).

Подобная интерпретация количественных аспектов доказывания вовсе не влечет формирования формально достоверных выводов, «автоматически» следующих из имеющихся посылок. Стоит оставаться реалистами и, избегая ошибок прошлого, взять положительные проявления формализованного пути познания и использовать их в практике современного доказывания.

В сегодняшнем процессе довольно-таки сложно бесповоротно отречься от легальной теории доказательств, включающей механизмы качественной оценки доказательств. Это противоречило бы как положениям действующего закона, так и современной практике доказывания. Количественную сторону пределов доказывания не стоит отождествлять с правилами механического «взвешивания» по формальной теории доказа-

---

²⁴ Рахунов Р. Д. Указ. соч. С. 100.

тельств, отмененной полтора века назад, в 1864 г. Речь не может идти о том, что закон наперед устанавливает, какую силу должно иметь каждое доказательство, а суду остается лишь подсчитать количество «законных» источников доказательств, не входя в оценку их содержания. Отчасти в защиту теории легальных доказательств следует заметить, что отнюдь не лучше ее «мертвящего формализма» стало идеалистическое восприятие свободы судейского убеждения.

Поэтому идеи разумного формализма и вдумчивого применения формально-количественных инструментов уголовно-процессуального познания остаются чертами современного процесса, поскольку «свободной оценки доказательств в чистом виде не существует ни в одной правовой системе. В российском уголовном процессе доказательства оцениваются по формально-дискреционному принципу: свобода внутреннего убеждения судьи дополняется (ограничивается) установленными в законе правилами оценки доказательств. Негативные проявления формализма, безусловно, должны устраняться, но полный отказ от него маловероятен даже в отдаленной перспективе и едва ли необходим»²⁵.

О возможности исследования понятия «пределы доказывания» в формально-количественном аспекте свидетельствуют работы ряда отечественных процессуалистов.

Так, Г. М. Миньковский, пересмотрев ранее отстаиваемые взгляды об идентичности понятий «пределы доказывания» и «предмет доказывания», приходит к выводу, что пределы доказывания определяют границы процесса доказывания с качественной и количественной сторон: «С качественной стороны они предполагают определение такой совокупности доказательств, которая могла бы обеспечить установление каждого элемента предмета доказывания, а с количественной стороны они должны гарантировать достоверность установления этих обстоятельств. Практическое наращивание надежности осуществляется путем собирания нескольких доказательств с «перекрывающим» друг друга содержанием»²⁶.

Предложенные основания принципиально решают вопрос о возможности исследования понятия «пределы доказывания» через призму количественных оценок. При этом внимательный анализ изложенной позиции показывает, что пределы есть не количественное выражение сведений, а совокупность источников доказательств, в которых они содержатся. Значимость такого вывода состоит в возможности формирования объективных предпосылок исследования роли формальных

²⁵ Астафьев А. Ю. Пределы свободной оценки доказательств в современном уголовном процессе // Судебно-правовая реформа 1860-х гг. в России и современное уголовно-процессуальное право (посвящается 150-летию принятия Судебных уставов 1864 г.) : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., проводимой в Российской академии правосудия. М., 2014. С. 75.

²⁶ Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. С. 188.

регуляторов оценки доказательств в системе свободного внутреннего убеждения.

Вместе с тем некоторые из предложенных идей представляются спорными. В первую очередь, сложно согласиться с пониманием «пределов» как границ процесса доказывания, которые Г. М. Миньковский видит в установлении объема средств достижения цели, т.е. предмета доказывания²⁷. Пределы процесса доказывания не могут быть сведены лишь к формированию надлежащих средств. Процесс доказывания как многоаспектное понятие включает целый комплекс компонентов, каждое из которых может и должно быть ограничено соответствующими пределами. Ведь помимо пределов доказывания представляется правомерным выделение пределов самого предмета доказывания, пределов этапов (элементов) доказывания, пределов уровней доказывания, пределов способов доказывания, определения пределов для круга субъектов доказывания, пределов логической и практической познавательной деятельности и, наконец, временных пределов доказательственной деятельности и др.

Противоречивость приведенных взглядов состоит также в том, что если пределы доказывания понимать как «несколько доказательств с «перекрывающим» друг друга содержанием», что, по сути, сводится к совокупности источников, то такие «пределы» как раз не могут выступать фактическим основанием для установления предмета доказывания, даже при условии, что их «перекрывающее» содержание будет обеспечивать достоверность. Такой подход в действительности будет носить формально-односторонний характер. Фактическим основанием предмета доказывания должна быть не только совокупность достоверных сведений и их источников, но и их достаточность. Однако понятие «достаточность» в приведенных суждениях не усматривается.

Проблема определения «пределов доказывания» развита в исследованиях А. С. Барабаша: «Пределы характеризуют существующее наличие доказательств, достаточность характеризует их с позиции возможности получения знания. Пределы доказывания – количественная характеристика, достаточность – качественная. Или точнее, пределы доказывания превращаются в новое качество, в знание при их достаточности. Достаточность характеризует скачок – переход количества в качество»²⁸. При чем таким знанием является сам предмет доказывания²⁹. Итогом таких рассуждений выступает определение пределов доказывания как «совокупность информации, которая привлекается следователем или судом в

---

²⁷ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. С. 188.

²⁸ Барабаш А. С. Указ. соч. С. 88.

²⁹ См.: Стойко Н. Г., Барабаш А. С. Доказывания при прекращении уголовных дел : вопросы реабилитации и освобождения от уголовной ответственности. Красноярск, 1996. С. 27.

доказательственную деятельность для обоснования выводов по делу»³⁰. Однако и этот подход вызывает определенные нарекания.

Во-первых, нельзя согласиться с тем, что пределы доказывания, даже понимаемые как совокупность информации, способны преобразовываться в предмет доказывания. Здесь налицо логическая ошибка, связанная с подменой тезиса аргументом. Тезисом (тем, что требуется доказать) является предмет доказывания. Его обосновывают аргументы – совокупность доказательств (пределы доказывания). Задача аргумента состоит в установлении тезиса, а не в превращении в него. Другими словами, доказывающее не должно превращаться в доказываемое. Сведения об обстоятельствах дела лишь характеризуют факт, но сами в обстоятельства дела не обращаются.

Во-вторых, несмотря на то что А. С. Барабаш активно отстаивает идею о самостоятельности понятия «достаточность», оно у него сливается с пределами, становится их чертой, поскольку субъекты доказывания оценивают их с позиций достаточности или недостаточности. В связи с этим сложно согласиться с точкой зрения о ярко выраженной субъективной окраске пределов доказывания, так как они «являются совокупностью доказательств, используемой конкретным субъектом в процессе доказывания. С позиции одного субъекта – есть совокупность доказательств, устанавливающая обстоятельства предмета доказывания, с позиций другого – ее может и не быть, и в данной ситуации предметом спора является достаточность собранных доказательств для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию»³¹. Проблема в том, что использование отдельным субъектом той или иной совокупности доказательств не меняет их объективного значения, не увеличивает и не уменьшает объема сведений, отражаемого доказательством, не отменяет наличия исследуемой информации. В данном аспекте пределы доказывания следует считать объективной категорией. Субъективной может быть лишь соответствующая оценка субъектом объективного наличия совокупности доказательств.

В-третьих, в рассмотрении понятий «пределы доказывания» и «достаточность» речь идет только лишь о процессуально значимых сведениях вне источника их нахождения, без объяснения причин подобного подхода. Однако такое видение, особенно «достаточности», является слишком узким и не вмещает всей полноты одного из самых сложных элементов оценки доказательств. Оценка достаточности немыслима в условиях игнорирования источников доказательств. Само наличие источников, а также их допустимость выступают неизменной предпосылкой для оценки достаточности содержащихся в них сведений.

Завершая анализ мнений о сущности «пределов доказывания» нельзя не сказать о точке зрения Л. М. Карнеевой, считающей «более правильным связывать пределы доказывания со степенью познания входящих в предмет доказывания обстоятельств (категорией качественной), а не с

---

³⁰ Барабаш А. С. Указ. соч. С. 89.

³¹ Там же. С. 88.

объемом доказательств (категорией скорее количественной)³². Такое понимание есть очередная попытка преодоления количественного восприятия пределов доказывания. Но нечеткость предложенных «переходников» очевидна. Возможно, их может распознать и почувствовать опытный практик, но с теоретических позиций они трудноуловимы. Однако предложенный «качественный подход» оставляет не раскрытой центральную проблему пределов доказывания. Восполнению данных пробелов посвящено определение А. В. Победкина, который считает, что пределы доказывания есть «степень доказанности обстоятельств, входящих в предмет доказывания (достаточная или недостаточная для приятия процессуального решения), определяемая на основании внутреннего убеждения правоприменителя, в свою очередь базирующемся на количестве доказательств, собранных способами, предусмотренными уголовно-процессуальным законом»³³. Анализ приведенного понятия показывает, что пределы доказывания в авторском понимании – это, по сути, достаточность, основанная на количестве источников доказательств. О недопущении смешения понятий «предел» и «достаточность» уже упоминалось. Однако примечательность приведенных точек зрения состоит в демонстрации тщетности попыток уйти от количественной составляющей в понимании пределов доказывания, поскольку основанием внутреннего убеждения неизменно выступает совокупность доказательств.

Подводя итог критической оценке имеющихся взглядов на понятие «пределы доказывания», следует констатировать факт бесплодности отказа от формально-количественных установок в их определении. Представляется, что количественная модель пределов доказывания должна складываться из следующего.

Во-первых, буквальное понимание пределов доказывания как количества доказательств было бы не оправдано в силу действия принципа свободной оценки доказательств и запрета их суммарным комбинациям обосновывать процессуальные решения. Вместе с тем не отражает реального понимания пределов доказывания и указание на совокупность доказательств. С одной стороны, как уже было указано, совокупность доказательств шире пределов доказывания, так как включает не только наличие доказательств, но и их логическую взаимосвязь. С другой стороны, совокупность предполагает некую сумму, множественность, количество более одного. Поэтому признание пределов как совокупности доказательств исключает возможность их достижения за счет единственного доказательства, что, конечно, не соответствует реальному положению дел. В связи с этим излишне категоричной представляется позиция Р. В. Костенко, считающего, что «ни одно прямое или косвенное доказательство независимо от своей убедительности не может считаться достаточным для принятия процессуального решения, если оно не подтверж-

---

³² Карнеева Л. М., Кертэс И. Источники доказательств по советскому и венгерскому законодательству. М., 1985. С. 14.

³³ Победкин А. В. Указ. соч. С. 120–121.

дается другими доказательствами»³⁴. Несложно представить случаи, когда единственного доказательства вполне достаточно для возбуждения уголовного дела, избрания меры пресечения, назначения экспертизы, дачи санкций в сфере судебного контроля и др. Различный характер процессуальных решений во многом определяет, требуется или нет совокупность доказательств для их обоснования. Так, классический запрет ч. 2 ст. 77 УПК РФ на использование единственного признания вины обвиняемым без подтвержденной совокупности доказательств необходим для формирования обвинения (утверждения обвинительного акта или заключения), но того же одного признания вполне достаточно для избрания меры пресечения. В связи с этим оптимальным для определения пределов доказывания следует считать понятие «число», которое включает в себя как единичные факты, так и их множественность.

Во-вторых, понимание пределов доказывания как числа доказательств, не отвечает на ранее поставленный вопрос. Речь идет об информационных свойствах доказательства, позволяющих познать обстоятельства дела, или о наличии источника доказательства. Для его разрешения следует обратиться к современному пониманию понятия «доказательство», которое представляет единство сведений об обстоятельствах дела (содержание), содержащихся в предусмотренных законом источниках (форма). Это проявление смешанной (синтезированной) концепции доказательств, где единство сведений и источника вовсе не является неразделимым с позиций научного познания. Объективная возможность раздельного самостоятельного исследования формы и содержания в понятии «доказательство», научное обособление источника от содержащихся в нем сведений открывает перспективы для разграничения понятий «пределы доказывания» и «достаточность доказательств» – пределы доказывания определяют наличие источника, в то время как достаточность отражает их качественное содержание с позиций возможности формирования процессуальных выводов. При этом пределы доказывания выступают лишь как необходимое условие для оценки достаточности доказательств. Здесь в полной мере работает философский закон перехода количества в качество: достаточность как качественный элемент, основанная на количественных пределах доказывания, позволяет приблизиться к решению того или иного процессуального вопроса. В этом смысле точка зрения о «перерастании совокупности доказательств в их достаточность»³⁵ заслуживает поддержки.

Итак, пределы доказывания определяются как число источников доказательств, требуемое для обоснования процессуального решения³⁶.

---

³⁴ Костенко Р. В. Доказательства в уголовном процессе... С. 74.

³⁵ Костенко Р. В. Доказательства и пределы доказывания... С. 93.

³⁶ См.: Зотов Д. В. Пределы доказывания в уголовном процессе : формально-количественное исследование // Вестник Самар. гос. ун-та. 2014. № 11/2 (122). С. 59–66 ; *Его же*. Пределы для пределов доказывания // Законность. 2014. № 9. С. 57–60 ; *Его же*. Пределы доказывания : в поисках надежности // Библиотека криминалиста : науч. журнал. 2015. № 1. С. 139–144.

При этом количественная составляющая понятия «пределы доказывания» может быть выражена в:

- а) наличии источника, предусмотренного законом;
- б) возможном указании в законе на конкретный источник (необходимые пределы доказывания), содержащий сведения, обосновывающие искомый факт;
- в) числе требуемых источников, которые закон вполне может определить.

Воронежский государственный университет

Зотов Д. В., кандидат юридических наук, доцент кафедры организации судебной власти и правоохранительной деятельности

E-mail: zotov78@mail.ru

Voronezh State University

Zotov D. V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Organization of Judicial Authority and Law Enforcement Activity Department

E-mail: zotov78@mail.ru